

Статус и функции послов Чингис-хана

Татьяна Д. Скрынникова

Исследователь Марсель Эрдал писал о титулах *el хап* и *elči* (Erdal 1993) как о тюрко-монгольских, связывая их происхождение с термином *el*. Опираясь на исследования Г. Дёрфера, М. Эрдал так объясняет его смыслы: «*el* – сначала означало “friedlich, Friedenszustand” (тюрко-монг. значение), позднее – “Stammesgruppe” (истинно тюркское значение)» (Erdal 1993: 83). И поясняет, что первоначально, как полагал Г. Дёрфер, слово *el* было известно по-тюркски в его первоначальном значении – «мирный, мирное состояние», что и было заимствовано монгольским языком; второе значение (“Stammesgruppe” – род, племя) является результатом вторичного семантического развития, а не представляет собой самостоятельной лексемы (там же).

Уточняя предложенную М. Эрдалем интерпретацию термина *el* как тюрко-монгольского слова, считаю необходимым заметить, что в монгольской среде XII-XIII вв. концепт *el* в значении «мир» упоминается редко.¹ В *Тайной истории монголов* (далее: ТИМ) оно встречается только раз, когда описываются взаимоотношения монголов с кереитами и объясняется, каким образом кереитский Ван-хан и отец Чингис-хана Есугэй стали побратимами. В борьбе за власть Ван-хан убил младших братьев своего отца и вступил в борьбу со своим дядей Гур-ханом, от которого потерпел поражение, после чего он вынужден был скрываться, бежав с сотней людей. В результате Ван-хан появился у Есугэя.

Монгольская фраза, в которой упоминается концепт «мир», в тексте ТИМ записана так: *urida yisügei-qa'an-u čaq-tur sayi-bar el alduqsan-tur* (здесь и ниже выделено мной. – Т.С.) *yisügei-qan-lu'a anda ke'eldüksen aju'u* (Rachewiltz 1972: 69). Игорь де Рахевилц перевел эту фразу так: «As for Ong-Qa'an of the Kereyit, previously – in the time of Yisügei Qa'an – because **they were living together very harmoniously**, he and Yisügei Qan declared themselves sworn friends» (Rachewiltz

1 В ТИМ мы встречаем другое слово для выражения этого понятия (мир) - *eye: ta ene eye-ben bu ebdekiün eye jangg-ben-bu taluiqun* (Rachewiltz 1972: 53). «Мир учредивши взаимный, / Никому не давайте нарушить! / Мира свой узел надежный / Никому не давайте распутать!» (Козин 1941: 111). «Как раз в это время Алтан-хан Китадский, как о том стало известно, приказал Вангин-чинсяну немедленно выступить с войском против Мегучжин-Сеульту с его союзниками за то, что те не соблюдали мирных договоров» (Козин 1941: 113). *eye-dür ülü oroqdarun* (Rachewiltz 1972: 56). Подобных примеров, когда концепт «мир» выражено словом *eye*, в тексте ТИМ множество.

2004: 73), как и Козин до него: «Прежде, во времена Есугай-хана, живя с ним во взаимном мире, Ван-хан побратался с Есугай-ханом, и они стали андами» (Козин 1941: 121). На самом деле речь идет о том, что, находясь во враждебных отношениях со своими родственниками, Ван-хан обратился к Есугэю за помощью через вступление в отношения побратимства: «Прежде, во времена Есугэй-хана, когда [Ван-хан] **лишился доброго мира**, он договорился с Есугэй-ханом стать побратимами», чтобы вернуть себе потерянное. И данном контексте выражение *el alduqsan* означает «лишиться мира», а не «жить в мире».

Поскольку слово *el* в монгольском языке означает «мир», а аффикс *-či* маркирует деятеля, то значение слова *elči* – «тот, кто творит мир». И упоминания о тех, кто несет мир – послы, посланники (*elči*) – в ТИМ мы встречаем более пятидесяти раз. Интересно, что первое упоминание этого концепта мы обнаруживаем при перечислении сыновей Есугэй-багатура, родившихся от его первой жены Оэлун: «§ 60. ...Когда Темучжину было девять лет, то Чжочи-Хасару в это время было семь лет, Хачиун-Эльчию (*elči* в монгольском тексте) – пять лет, Темуге-отчигин был по третьему году, а Темулун – еще в люльке» (Козин 1941: 86). На мой взгляд, этот пассаж демонстрирует уровень иерархии, в которой находится место *elči* – ближний круг людей, преданных Чингис-хану. Конечно, пятилетний Хачиун не мог еще быть посланником, этот титул, возможно, ему был приписан ретроспективно. У нас нет данных, согласно которым Хачиун когда-либо выступал в качестве посланника Чингис-хана. К тому же Рашид-ад-дин сообщает, что, с одной стороны, Хачиун (Качиун у Рашид-ад-дина) «имел много жен и сыновей» (Рашид-ад-дин 1952а: 54), а с другой, «так как ...Качиун умер в молодости, то он не слишком прославился» (Рашид-ад-дин 1952а: 277).

Следующее же упоминание посланника (*elči*) в ТИМ связано с Амбагай-хаганом, который сопровождал свою дочь, чтобы выдать ее замуж за представителя татарского племени айриуд-буйрууд. В пути Амбагай был схвачен татарами другого племени – чжуин – и отправлен хитадскому (чжурчженьскому) Алтан-хану. Амбагай-хаган в качестве посланника отправил бэсудского Балагачи, чтобы он передал претендентам на престол Хутуле и Хадаан-тайчжи его наказ о мести татарам (Козин 1941: 84, § 53).

Кто же такой этот Балагачи? Мне представляется, что персона Балагачи не так проста, как предполагал И. де Рахевилц, и ее анализ позволит пролить свет на статус и функции *elči*. В монгольском тексте он обозначается как *besütei gü'ün balaqači e[ŋ]čin*, что означает «Балагачи-посланник – человек, владеющий кланом бесуд», поскольку аффикс *-mey* – аффикс обладания, а не просто принадлежности к общности. Необходимо также учесть близкородственные связи Амбагай и Балагачи, которые являлись потомками Чарахай-Линху: «Сыновья Чарахай-Линху – Сенгун-Билге, Амбагай и другие – образовали племя Тайчиудов. Потомка Чарахай Линху, происшедшего от его снохи, звали

Бесутай. Отсюда идет род Бэсуд» (Козин 1941: 83–84).² Монгольская фраза *besütei neretü büle'e besüt oboqtan tede bol<u>ba*, которой маркируется сын снохи Чарахай-Линху, свидетельствует о его высоком статусе в общности тайджиуд, возглавляемой Амбагаем, который был вторым хаганом, ведающим монголами, после Хабул-хагана. Вероятнее всего, Балагачи,³ являясь главой клана бесуд, состоял в свите Амбагай-хагана и являлся хранителем ценностей, продовольствия и прочего, что находилось в специальном месте (помещении)? Это могла быть или специальная юрта, или телега). Его высокий статус позволил ему стать человеком, которому доверяли важные поручения, и он выполнял функции посланника, постоянно сохраняя за собой титул *elči*.

Продолжил традицию выполнения функций *elči* другой представитель клана бесуд – Дегей. Когда Темучжин откочевал от Чжамухи, подозревая его в дурных намерениях, то одними из первых к нему прибыли бесудцы Дегей и Хучугур, старший и младший братья (Rachewiltz 1972: 49). При распределении обязанностей Дегею было поручено контролировать выпас овец (*qoni<n>t adu'ulaju* Rachewiltz 1972: 52), а Хучугуру наблюдать за кочевыми колясками (Козин 1941: 109) в ставке Темучжина. Но одновременно Дегей выполнял и другую функцию – выступал в качестве *elči*: именно Дахай и Сюкегай (*daqai sügegei qoyar-i elči ileba*) были посланы к очередному керейтскому правителю – Тоорил-хану (Ван-хану) – с известием об интронизации Темуджина.⁴

А после наречения последнего Чингис-ханом в 1206 г. Дегей в числе первых (при перечислении – одиннадцатым из девяносто пяти) был назначен нойоном-тысячником. И позже (§ 210), вознаграждая заслуги своих приближенных-нукеров, Чингис-хан отметил как равных Хунана с Коко-Цосом и Дегея со старцем Усуном (Козин 1941: 164). Чингис-хан еще раз упомянул этих людей вместе как равных, отмечая их качества не скрывать виденного и услышанного, когда он наделял старца Усуна саном беки (Козин 1941: 166).

Высокий статус Дегея укреплялся и, когда Чингис-хан выделял уделы своим близким, он сказал следующее: «Отдавая в удел матери с Отчигином 10000 юрт, я приставлю к ним четырех нойонов: Гучу, Кокочу, Чжунсяя и Аргасуна. К Чжочию приставлю троих: Хунана, Мункеура и Кете. К Чаадаю – троих: Харачара, Мунке и Идохудая. ... Чаадай крут и скрытен характером. Пусть же

2 *čaraqai-lingqu-yin kō'ün senggüm-bilge ambaqai-tan taiči'ut oboqtan bol<u>ba čaraqai-lingqu-yin berigen eme-deče töreksen besütei neretü büle'e besüt oboqtan tede bol<u>ba* (Rachewiltz, 1972:21).

3 *Balaqaci*, here a person's name, actually means 'storeman' (i.e. the person in charge of *balaqat* 'store, granaries') (Rachewiltz, 1972: 302).

4 Не только сам Чингис-хан рассылал послов с известием о своей интронизации. Но и другие правители, услышав об усилении его власти, присылали послов с выражением желания присоединиться к нему. После интронизации Чингис-хана в 1206 г. к нему отправил посланников (*elčin ilējü'ü* (Rachewiltz, 1972: 136]) уйгурский Идуут. Через посланников Атхиреха и Дарбая почтительно заявил о своем желании стать пятым сыном Чингис-хана, который одарил Идуута и дал ему в жены свою дочь Ал-Алтуну.

Коко-Цос вместе с ним обсуждает задуманное, постоянно состоя при нем и навещая его и утром, и вечером». К Огодаю он приставив двоих: Илугея и Дегея. К Толую – Чжедая и Бала и к Алчидаю – Чаурхана» (Козин 1941: 176). Из содержания данного отрывка совершенно определенно следует, что знакомые нам персоны, которые вместе с ним создавали Монгольский улус, были назначены Чингис-ханом советниками при его сыновьях. Дегей, который был среди них, назначался к Угедю, ставшим после смерти Чингис-хана правящим хаганом Монгольского улуса.

Как говорилось выше, Дэгэй и Сюкегай выступили в роли посланников и в 1201 г. (предположительно; или в 1196/98), когда Чингис-хан отправил их к керейтскому Ван-хану, бывшему андой Есугей-багатура, чтобы помочь оскудевшему от блужданий по тангутским и уйгурским землям Ван-хану. После чего и сам вышел ему навстречу с истоков Керулена и опекал его. В данном случае посланники выступили не в качестве вестников, а как представители Чингис-хана, которые привели Ван-хана на воссоединение с ним.

В то время как к Тоорил-вану были посланы Дэгэй и Сюкегай, к Чжамухе посланниками с подобным же сообщением были отправлены Архай-Хасар и Чаурхан. Позже, в 1202–1203 г., когда Чингис-хан вступил в конфронтацию с Ван-ханом (Тоорил-ваном), именно Чаурхан был одним из послов, посланных им к последнему. «Калиудар из племени джурьят и Чаурхан из племени урянкат, которые оба были известны как нукеры и как лица, принадлежащие Джочи-Хасару» (Рашид-ад-дин 1952б: 133), были отправлены в Ван-хану, чтобы передать ему дезинформацию о планах Чингис-хана. В результате Ван-хан, ожидавший одного Хасара, семья которого находилась у Ван-хана, был разгромлен неожиданным нападением Чингис-хана с войском. Мы видим, что послами были нукеры Чингис-хана, пользовавшиеся его полным доверием.

Надо сказать, что посланников часто отправляли куда-либо, чтобы они доставили сообщение. Так, например, позже Чингис-хан, предлагая Тоорил-вану выступить с ним вместе против татар, отправил посла: «[Чтобы] доставить это сообщение (досл. 'передать эти слова'), отправили посланца» (перевод мой. – Т.С.) (монг. *ene kelen gürgen elčün ilēba* Rachewiltz 1972: 56). Поддерживать постоянные взаимоотношения с другими сообществами благодаря посланникам было обычным делом у кочевников. Причем, как видим, посольские отношения поддерживались как в мирное время, так и во время конфликтов. Так, желая очернить Чингис-хана в глазах Ван-хана перед их совместной битвой с найманами, Чжамуха говорит: «Известное дело, что анда мой, Темучжин, издавна обменивается послами с Найманом» (Козин 1941: 125) (монг. *temüjin anda minu uridača naiman-tur elčitü büle'e* Rachewiltz 1972: 75). Сражение должно было состояться между найманским Коксеу-Сабрахом и коалицией, состоявшей из войск Чингис-хана и Ван-хана с Чжамухой. Но Ван-хан с Чжамухой отделились от Чингис-хана и в результате были разбиты. Побежденный найманским Коксеу-Сабрахом Ван-хан отправил Чингис-хану посла с просьбой о помощи (Козин 1941: 126).

Эти же слова Чжамуха повторил Сангуму, сыну Ван-хана в 1202 г., желая настроить его против Темучжина, и перешедшим на его сторону Алтану, Хучару, каракиданскому Эбугэчжин-Ноякину, Сюйгеетай-Тоорилу и Хачиунбеки: «Мой анда Темучжин явно и постоянно обменивается послами с Найманским Таян-ханом⁵» (Козин 1941: 127). Точнее в монгольском тексте Чжамуха упоминает посланцев Темучжина к Таян-хану, отправляемых с устными сообщениями – *keletü elčiti*» (Rachewiltz 1972: 77).

На факт обмена посольствами даже в конфликтных ситуациях указывает и история на пиру, когда ранили Бельгута и Чингис-хан и братья, схватившись с чжуркинцами, одолели их и пленили их жен – Хоричжин-хатун и Хуурчин-хатун. После того как послы обеих сторон посетили конфликтующие стороны (*elčileldün* Rachewiltz 1972: 56) и провели переговоры, все помирились и ханш вернули.

Можно вспомнить также историю с послом Темуге-отчигина. Во время конфликта Чингис-хана и Хасара, спровоцированного Теб-Тенгри, к последнему стали переходить подданные других владетелей, в частности, подданные Темуге-отчигина, младшего брата Чингис-хана, бывшего хранителем родового очага. Последний послал к Теб-Тенгри своего посла Сохора с требованием вернуть подданных. В ответ на это Теб-Тенгри сказал: «Будешь послом как раз под пару Отчигину!» (Козин 1941: 177) и отправил обратно пешком, оскорбив через унижение Темуге-отчигина Чингис-хана.

Чингис-хан должен был абсолютно доверять своим нукерам, которых он отправлял к дружественным или враждующим с ним соседям, поскольку послания, часто тайные, были устными, о чем свидетельствует и следующий текст ТИМ: «§ 177. После замирения Унгиратов Чингис-хан ушел и расположился стойбищем по восточному берегу речки Тунге. Здесь он стал готовить нижеследующие посольские речи для послов своих Архай-Хасара и Сукегай-чжеуна» (Козин 1941: 133). Необходимо подчеркнуть, что устный текст послания Ван-хану составлялся самим Чингис-ханом. В нем он напоминал Ван-хану, как когда-то посылал к нему Тахая и Сукегея, которые привели его к Чингис-хану на Керулен. В заключение Чингис-хан потребовал: «Пошли ко мне посла для объяснения твоего неудовольствия. Если пошлешь, то посылай Хулбари-Хури и Идургена. Если нельзя двоих, то посылай последнего» (Козин 1941: 136).

5 Сотрудничество и конфликты постоянно сопровождали жизнь кочевников, делая непростым их существование. Так, вскоре после отправки послов с предложением о союзе с Чингис-ханом, он пытается договориться о нападении на него. Найманский Таян-хан отправил посла по имени Торби-таш к онгудскому Алагуш-дигит-хури с предложением быть его правой рукой при выступлении против ничтожных монголов (Козин 1941: 143). Но Алагуш-дигин-хури отправил посла по имени Юхунань к Чингис-хану с сообщением о планируемом нападении найманов.

На устный характер посланий указывается в тексте ТИМ неоднократно. Так, посылая послов к Чжамухе, ставшему к тому времени его конкурентом в борьбе за власть, Чингис-хан сказал: «§ 179. Скажите анде Чжамухе» (пер. мой. – Т.С.) (монг. *basa Činggis-qahan jamuqa anda-da ügüle ke'en ügüleriin* (Rachewiltz 1972: 90), а также младшему брату Тоорилу (§ 180), анде Сэнгуму (§ 181). Всем им он просил добавить следующее: «§ 181. ...Когда ты, друг Сангум-анда, будешь снаряжать ко мне посольство, то шли двоих: Билге-беки и Тодоена. Итак, пусть шлют ко мне по двое от каждого: Родитель-хан, друг Сангум-анда, Чжамуха, Алтан, Хучар, Ачих-Ширун и Хачиун» (Козин 1941: 138). Подтверждают устный характер посланий и следующие слова: «После того как [устаами] Архай-Хасара и Сукегей-Чжеуна эти слова были переданы, эти слова так были высказаны, Сэнгум сказал» (пер. мой. – Т.С.) (монг. *arqai-qasar sügegei-je'ün qoyar-iyar edüi üges dawu bari'ulju ilēba ede üges eyin ügülekejü senggüm ügüleriin* (Rachewiltz 1972: 92)). Интересно то, что, если верить тексту ТИМ, ответные посольства так и не были отправлены, за исключением двух послов от Сэнгума, упоминаемые Чингис-ханом в первый раз: «[Чингис-хан] потребовал: “Сэнгум, пришли мне посланников, пришли нукеров Билге-беки и Тодоена”. Прислали. Пришлите мне посланников... (перечисляются по два от каждого. – Т.С.)» (пер. мой. – Т.С.).

После побед в Средней Азии Чингис-хан в 1226 г. обратил свой взор на тангутов, желая отомстить им за оскорбление. Но Чингис-хан заболел, а на предложение отступить он ответил: «§ 265. ...”Тангуты чего доброго подумают, что мы ушли из трусости. Поэтому мы, возможно, и отступим, но не ранее, чем пошлем к Тангутам посла и тут же в Цоорхатах дождемся от них ответа и сообразим его”. Тут же он продиктовал послу...» (Козин 1941: 190). Последнее предложение по-монгольски читается так: *tende elčín-e da'u bari'ulju ilēriin* (Rachewiltz 1972: 158–159), что позволяет предположить, что сообщение передавалось на словах – голосом.

Возможно, об этом же свидетельствует и следующий факт. Из кипчакского похода Бату передал Угедей-хагану через посланника о своей ссоре с Бури и Гуюком по поводу их статусов в генеалогии чингисидов, поскольку им показалось неправильным, что Бату выпил чару прежде всех. «Устами посланника передал Угэдэй-хагану почтительно» (монг. *ögödei-qahan-a elčín-eče öčijü ilēriin* (Rachewiltz 1972: 165). И завершается текст послания словами: Все разошлись непримиренными ...*eye ügei tarqaqdaba edö'e qahan abaqa-yin jarliq medetügei ke'en öčijü ilējü'üi* (Rachewiltz 1972: 166)).

Вероятно, передача сообщений послами устно довольно долго сохраняла свою актуальность, что можно предположить из следующего факта. Когда Чингис-хан успешно завоевывал города Средней Азии, он отправил к Толую посланника с приглашением приехать к нему в горы на реку Алтан-горохон. В это время Толуй разрушил города Систен и Чухчерен, когда посол принес это известие (Козин 1941: 188). Выражение *ene kelen gürge'esü* «доставил эту речь» позволяет предположить, что послания по-прежнему передавались устно.

Посланники могли отправляться для передачи какого-либо известия. Например, когда после долгих поисков Хасар, оставивший у Ван-хана жену и трех сыновей – Егу, Есунке и Туху, нашел Чингис-хана, «На радостях, что с ним теперь Хасар, Чингис-хан предложил отправить к Ван-хану посла. И решили они послать Хариудара-Чжауредайца и Чахурхана-Урянхайца, которым поручили сказать хану-отцу от имени Хасара...» (Козин 1941: 139). В ответ Ван-хан посылает Итургена с сообщением, что Хасар может приехать к нему. Хасар изрубил Итургена, передовой отряд Чжарчеудая и Архая окружили Ван-хана и монголы разгромили керейтов, а Ван-хан с Сангумом сбежали. Названный здесь в качестве одного из военачальников Архай, как мы видели выше, уже упоминался как посол Чингис-хана к Чжамухе.

Функцией *elči* могла быть не только передача текста послания. Так, когда Хори-Субэчу⁶ – начальник караула найманов – убил Ван-хана, Гурбесу, мать найманского Таян-хана, повелела привезти голову Ван-хана для жертвоприношения ей. К Хори-Субэчу отправили посланника (*qori-sübeči-tür elči ilejü* Rachewiltz 1972: 97) за головой. В данном случае функция элчи – доставить голову.

Если вначале деятельности Чингис-хана по расширению своих владений упоминаются, как правило, два посла как с его стороны, так и со стороны его союзников и противников, то после того как Чингис-хан вступает в отношения с оседлыми странами, численность посольств увеличивается. В 1211 г. Чингис-хан вторично выступил против китадского Алтан-хана, воспрепятствовавшему проходу его посольства во главе с Чжубханом для переговоров с Чжао-Гуанем (Козин 1941: 181). Здесь впервые упоминается многочисленное посольство, которое возглавляется Чжубханом. Также отмечается принадлежность членов посольства Чингис-хану – «его многочисленные посланники во главе с Чжубханом (*jubqan teri'üten olon elčin-iyen* Rachewiltz 1972: 147), как они называются в тексте ТИМ.

Численность посольств увеличивалась с вступлением Чингис-хана в отношения с оседлыми государствами. «§ 254. Затем, когда Сартаульцы задержали и перебили сто человек наших посольских людей, отправленных к ним во главе с Чингис-хановым послом Ухуна, государь Чингис-хан сказал: “Пойду войною на Сартульский народ и законною мезтью отомщу за сотню своих посольских людей во главе с Ухуна”» (Козин 1941: 182). В переводе С.А. Козина мы читаем: «наших посольских людей». Но в монгольском тексте «Чингис-хан отправляет к сартулам сотню своих послов во главе с Ухуна» (монг. *Činggis-qahan sarta'ul irgen-e uquna teri'üten ja'un elčin-iyen jetgüjü* Rachewiltz 1972: 147).

Возможно, уже появляются люди, которые выполняют поручения по передаче сообщений – безымянные, поскольку в последних случаях имена не упоминаются. Вероятно, это связано с тем, что расстояния, на которые

6 У С.А. Козина Хорису-бечи (Козин 1941: 141).

передаются сообщения, заметно увеличились, уже невозможно было в перерыве между битвами выполнять функции посланников, потребовались специальные люди. И, в отличие от первых, лично преданных Чингис-хану посланников, принадлежавших, как правило, к элите, эти не были достаточно богатыми. Эти два фактора: расстояния, которые покрывали элчи в выполнении своего долга, что требовало времени, и новость могла потерять свою актуальность, и недостаточная личная обеспеченность элчи, – привело к созданию уртонной службы.

«§ 280. Тогда Огодай-хан издал следующий указ: "...об ускорении движения послов, а вместе с тем и облегчении тягот для населения государства посредством установления ямов и выдела ямчинов и улаачинов"» (Козин 1941: 198). Угэдэй распорядился: «Далее, при настоящих способах передвижения наших послов, и послы едут медленно и народ терпит немалое обременение. Не будет ли поэтому целесообразнее раз навсегда установить в этом отношении твердый порядок: повсюду от тысяч выделяются смотрители почтовых станций – ямчины и верховные почтари – улаачины; в определенных местах устанавливаются станции – ямы, и послы впредь обязуются, за исключением чрезвычайных обстоятельств, следовать непременно по станциям, а не разъезжать по улусу» (Козин 1941: 197–198).

Несмотря на огромные размеры Монгольской империи уже при Чингис-хане и безусловную необходимость контактов как ее лидеров внутри империи, так и за ее пределами, у нас нет свидетельств существования определенной административной службы, которая бы концентрировала в своих руках функции связи всех со всеми – структуры типа посольского департамента. Во-первых, необходимо подчеркнуть, что мы никогда не встречаем в тексте ТИМ обозначения *elči* как монгольских послов или послов монгольского улуса, они всегда называются Чингис-хановыми или какого-либо другого правителя. Во-вторых, они – нукеры, то есть ближайшие сподвижники Чингис-хана, как правило, принадлежавшие к элите монгольского общества и отличавшиеся личной преданностью ему.

Библиография

Erdal, Marcel 1993. Die Türkisch-mongolischen Titel El xan und Elci. In: *Altaica Berolinensia. The Concept of Sovereignty in the Altaic World*. Permanent International Altaistic Conference. 31th Meeting. Berlin 21-26 July, 1991. Edited by Barbara Kellner-Heinkele. Asiatische Forschungen Band 126. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 81–99.

Rachewiltz Igor de 1972. *Index to the Secret History of the Mongols*. Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Bloomington, vol. 121.

Rachewiltz Igor de 2004. *The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the thirteenth Century*. Translate with a historical and philological Commentary by Igor de Rachewiltz. Leiden-Boston: Brill, Vol. 1, 2.

Козин С. А. 1941. *Сокровенное сказание*. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Monggol-un niġuġa tobġiyan*. Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник. Т. I. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии / Отв. ред. А. П. Баранников. Предисловие Н. Н. Поппе. Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, (Труды Института востоковедения Академии наук СССР. XXXIV).

Рашид-ад-дин, 1952а. *Сборник летописей*. Т. 1. Кн. 1. Москва-Ленинград.

Рашид-ад-дин, 1952б. *Сборник летописей*. Т. 1. Кн. 2. Москва-Ленинград.